

А. И.
КУПРИН

Избранное



Александр Иванович Куприн

Умер смех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548595

Аннотация

«Уже последние известия о здоровье Марка Твена были тревожны. Тяжело больной, почти умирающий, приехал он на родину. С парохода его снесли на носилках. На особом поезде он был доставлен в свой дом. А сегодня мы узнали по телеграфу о его смерти...»

Александр Иванович Куприн Умер смех

Уже последние известия о здоровье Марка Твена были тревожны. Тяжело больной, почти умирающий, приехал он на родину. С парохода его снесли на носилках. На особом поезде он был доставлен в свой дом. А сегодня мы узнали по телеграфу о его смерти.

Смерть его, как человека, совсем не вызывает сожаления. Это был ясный, безоблачный закат. Умереть, прожив красиво, гармонично и правдиво целых три четверти века, умереть, сохранив до конца своих дней свежесть мысли, тонкость улыбки и нежность души, умереть у себя дома, зная, что любящая дружеская рука закроет тебе глаза в самую последнюю, может быть, тяжелую минуту, умереть, не оставив за собою ни одного вздоха, ни разочарования по пережитой славе – да! так умереть мог только избранник и любимец судьбы.

Но горько и страшно думать о том, что вместе с Клеменсом ушла – и, я думаю, безвозвратно – та смеющаяся печаль, та окропленная светлыми слезами веселость, которую мы зовем юмором.

«Видимый миру смех и незримые слезы».

«А моим герольдом будет юмор со смеющейся слезкой в щите!»

Мы, теперешние люди, оглушенные ревом автомобилей, звонками телефонов, хрипом граммофонов и гудением экспрессов, мы, ослепленные электрическими огнями вывесок и кинематографов, одурманенные газетой и политикой, – разве мы смеемся когда-нибудь? Мы – или делаем кислую гримасу, которая должна сойти за усмешку, или катаемся от щекотки в припадках истерического хохота, или судорожно лаем на жизнь, отплевываясь желчью. Но тот светлый смех, за который Достоевский назвал Диккенса «самым христианским из писателей» и который так пленял Пушкина в ранних гоголевских повестях, – этот смех почти на наших глазах растаял и испарился. Он начался громоподобным веселым смехом гомеровских богов, смехом, заставлявшим колебаться горы, и окончился вчера, в тот момент, когда на лице Марка Твена легла вечная улыбка мудрости.

Что нас смешит теперь? Оперетка, в которой все герои поменялись нижним бельем? Французский анекдот из области спальни и клозета? Зрелище толстого старика, проваливающегося в кинематографе из третьего этажа в подвальный?

Имитация национального говора? Пародия? Шарж? Пародия на шарж? Право, если где и остался сейчас грубый, примитивный, пожалуй, даже не в меру просоленный юмор – так это в старых клоунских пантомимах.

У Твена, у этого настоящего потомка англосаксонской ра-

сы, было многое от Диккенса, так же как у Диккенса – от Шекспира и Стерна. Точное, здоровое и прилежное наблюдение жизни, мужественное сердце, спокойная любовь к родине – и рядом с нею широкая всечеловечность, свободное понимание прелести шуток, порою – простонародная грубоватость, чисто мужская покровительственная нежность к детям и женщинам, легкое преувеличение в сторону лирического и трогательного и чрезмерное – в сторону смешного и порочного, а в глубине – неистощимая любовь к человеку.

Так мыслить, и чувствовать, и смеяться мы уже не умеем и не можем. Твен и по годам был нам дедушкой. Надолго, если не навсегда, мы осуждены переходить от двухсложного анекдота к бешеной сатире. Но истинный, здоровый и беззлобный смех умер в трескотне и пыли города.

Об этом думали уже многие и думали часто. Но, мне кажется, никогда мы, до кончины М. Твена, не постигали так просто и жестоко простой мысли о повсеместной смерти смеха.